

Т.А. Савчук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
(E-mail: tamerlan75@mail.ru)

Законодательная модель института мер пресечения в Республике Беларусь и Республике Казахстан в контексте современной уголовно-процессуальной политики

В статье представлен авторский взгляд на современное состояние и направления развития уголовно-процессуальной политики Республики Беларусь и Республики Казахстан, связанной с совершенствованием законодательства о мерах пресечения и активизацией практики применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. На основе изучения и анализа уголовно-процессуального законодательства названных государств, исторических предпосылок возникновения и развития мер пресечения, взглядов ученых-процессуалистов проанализированы виды, сущность и механизм принятия решения об избрании мер пресечения. Приведена практика их применения в Беларуси, выявлены дефекты законодательства, регулирующего применение мер пресечения. В результате проведенного исследования сформулированы предложения по восполнению законодательных пробелов в регулировании мер пресечения, что направлено на активизацию их использования в практике следственных и судебных органов.

Ключевые слова: домашний арест, залог, заключение под стражу, личное поручительство, подписка о невыезде и надлежащем поведении, меры пресечения, уголовно-процессуальная политика.

Деятельность любого государства, связанная с реагированием на факты совершения уголовно-наказуемых деяний, осуществляется в различных правовых формах, одной из которых является уголовно-процессуальная политика, находящая свое выражение в законотворчестве и правоприменительной деятельности органов уголовного преследования и суда. Как справедливо отмечает М. Утанов, «уголовно-процессуальная политика призвана обеспечить формирование закона, который создавал бы условия для эффективной деятельности соответствующих правоохранительных органов и правосудия по борьбе с преступностью, гарантируя вместе с тем защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства» [1]. В реализации правовой политики по расследованию преступлений, выявлению и изобличению лиц, виновных в их совершении, привлечению их к ответственности важное место отводится институту мер уголовно-процессуального принуждения, ядро которых составляют меры пресечения. Эффективность уголовно-процессуальной политики применительно к мерам пресечения связана с коррекцией законодательства, направленного на регулирование деятельности правоприменительных органов по своевременному, законному и обоснованному избранию мер пресечения и обеспечению конституционных прав лиц, к которым такие меры применяются. Следует отметить, что современная уголовно-процессуальная политика в Беларуси и Казахстане показывает стремление законодателя обоих государств развивать условия для использования в следственной и судебной практике мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей, за счет применения залога и домашнего ареста, характеризуется оптимизацией уголовно-процессуальных норм, регламентирующих применение мер пресечения. Такой подход отражает стремление государств гуманизировать уголовный процесс, сформировать уголовно-процессуальный закон, основанный на признании международных стандартов и конституционных норм о правах и свободах личности. Значительная роль в реализации названных векторов уголовно-процессуальной политики принадлежит Главе государства. Так, в Республике Беларусь импульсом для воплощения в нормотворческую и правоприменительную деятельность указанных направлений уголовно-процессуальной политики стали такие акты Президента Республики Беларусь, как: Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [2], Директива № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [3], Указ «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» [4]. В Республике Казахстан, в отличие от Беларуси, действует единая Концепция правовой политики на 2010–2020 гг., утвержденная 24.08.2009 г. Указом Президента Республики Казахстан, п. 2.9 которой указывает на необходимость развития института мер пресечения, альтернативных аресту (заключению под стражу) [5].

Исследование законодательной модели института мер пресечения в Беларуси и Казахстане показывает наличие в уголовно-процессуальных законах обоих государств общих положений принятия решения о мерах пресечения. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК Казахстана) демонстрируют одинаковый подход к определению видов и системы мер пресечения, применяемых к подозреваемому и обвиняемому (далее – обвиняемый, если не указано иное), формулированию оснований избрания таких мер и обстоятельств, влияющих на выбор конкретной меры пресечения, процессуальному оформлению решения о применении меры пресечения. Такой подход закономерен и объясняется тем, что и белорусский, и казахстанский законодатели при современной регламентации мер пресечения сохранили отдельные нормы, действовавшие в период советского законодательства, а также во многом восприняли положения Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ. Вместе с тем белорусское и казахстанское законодательство о мерах пресечения имеет свои особенности, а также недостатки в регулировании некоторых мер пресечения, что влияет на практику их применения и требует корректировки отдельных уголовно-процессуальных норм.

В первую очередь следует отметить соответствие норм УПК Казахстана общепризнанным международным стандартам в части судебного применения залога, санкционирования домашнего ареста и содержания под стражей, а также продления сроков этих мер пресечения на всех стадиях уголовного судопроизводства. В Республике Беларусь, к сожалению, до сих пор дача санкции на избрание названных мер пресечения в досудебном производстве является прерогативой прокуратуры.

Общность УПК Беларуси и УПК Казахстана проявляется в установлении тождественной системы мер пресечения, на первом месте в которой законодатель ставит подписку о невыезде и надлежащем поведении. В следственной практике Беларуси эта мера пресечения является самой распространенной, например, в 2015 г. она избиралась в отношении 29 935 обвиняемых, что составляет 62,3 % от общего количества лиц, подвергавшихся мерам пресечения. Сущность данной меры пресечения сводится к взятию у обвиняемого письменного обязательства не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, в назначенный срок являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс (ч. 1 ст. 120 УПК Беларуси, ст. 141 УПК Казахстана).

В отличие от белорусского законодателя УПК Казахстана в ст. 141 конкретизирует, что под местом жительства понимается «населенный пункт», ведь при подписке о невыезде и надлежащем поведении речь идет о запрете покидать местность, где обвиняемый постоянно или временно проживает. Отсутствие в УПК Беларуси такого указания приводит к тому, что на практике при применении этой меры пресечения в постановлении и собственной подписке указывается адрес (конкретное жилое помещение), по которому лицо постоянно или временно проживает. Однако в этом случае подписка о невыезде и надлежащем поведении превращается в другую меру пресечения — домашний арест. Кроме того, как показывает опрос следователей, подписку о невыезде и надлежащем поведении зачастую избирают не в связи с наличием в уголовном деле оснований ее применения, а для того чтобы обязать обвиняемого являться в следственные органы. Иными словами, эта мера пресечения используется вместо такой меры процессуального принуждения, как обязательство о явке. Для устранения названных недостатков является очевидным целесообразность корректировки конструкции ч. 1 ст. 120 УПК Беларуси в части уточнения обязанности обвиняемого не покидать местность (населенный пункт), в которой он проживает. Примечательно, что УПК РСФСР 1923 г. наделял следователя правом выбирать место жительства для обвиняемого при взятии у него подписки о невыезде, что вызвало различные отклики среди ученых того периода. Так, В.А. Михайлов и П.С. Строгович считали правильным установление в законе такой нормы [6; 65], а П.И. Люблинский полагал, что единственно допустимым можно было признать тот случай, когда обвиняемый не имел определенного места жительства и сам его не определил [7; 32]. Однако такая практика определения места жительства при избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении не отвечает требованиям закона, накладывает на обвиняемого дополнительные обязанности, связанные с поиском и оплатой жилья на период следствия не по месту проживания, грозит ему потерей работы по месту своего постоянного жительства.

Второй по степени строгости мерой пресечения УПК Беларуси и УПК Казахстана называют личное поручительство. Общим в законодательной конструкции личного поручительства по УПК Беларуси (ст. 121) и УПК Казахстана (ст. 142) является наличие не менее двух заслуживающих доверия поручителей; их ходатайства об избрании личного поручительства и письменного обязательства

о выполнении обвиняемым условий этой меры пресечения; согласия обвиняемого; возможности наложения на каждого поручителя денежного взыскания за неисполнение обвиняемым действий, для предупреждения которых была избрана данная мера пресечения. Проведенный нами опрос следователей показывает, что при выборе меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, многие предпочитают личное поручительство, хотя практика свидетельствует о редком использовании этой меры пресечения (например, в 2015 г. в целом по Беларуси она избиралась к 759 обвиняемым, что составляет 1,6 %).

Редкая практика применения личного поручительства обусловлена отдельными недостатками уголовно-процессуального закона. В первую очередь отметим, что, используя формулировку «заслуживающие доверия лица», ни белорусский, ни казахстанский законодатель не определяет критериев такого доверия. Поскольку инициатива в избрании личного поручительства исходит от должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, то именно это лицо определяет эти критерии. Несомненно, что такое решение должно основываться на определенных сведениях, приобщаемых к уголовному делу и отражаемых в постановлении об избрании личного поручительства. В связи с этим в юридической литературе отмечается, что поручителями могут быть лица, пользующиеся доверием в силу своего общественного, служебного положения [7; 33], обладающие авторитетом, который определяется их служебным положением в обществе, поведением в коллективе, в быту, их личными свойствами [8; 108]. З.Д. Еникеев считал, что поручители должны быть правоспособными гражданами, хорошо знающими обвиняемого, «снискавшими своим честным трудом и примерным поведением уважение в коллективе по месту работы или жительства и которые своим личным авторитетом и влиянием могут реально обеспечить надлежащее поведение и явку по вызову» [9; 232]. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский полагают, что поручитель должен заслуживать доверие у общества (иметь стабильное социальное положение, пользоваться уважением, авторитетом, известностью, в прошлом не иметь нарушений закона) и у обвиняемого, о чем может свидетельствовать наличие хороших отношений с поручителем, который имеет влияние на обвиняемого [10; 214]. Думается, что понятие «заслуживающее доверия лицо» следует понимать в рамках общепризнанных представлений: это должно быть совершеннолетнее дееспособное физическое лицо с высокими моральными качествами и репутацией, законопослушное, известное определенному кругу лиц и имеющее авторитет в обществе, пользующееся доверием обвиняемого и способное оказать на него положительное влияние, осуществлять за ним контроль, обеспечивать его надлежащее поведение и явку по вызовам следственных органов и суда.

Наличие письменного ходатайства от поручителей является обязательным условием избрания личного поручительства и имеет исторические предпосылки, поскольку поручительство еще со времен судебников 1497 г. и 1555 г. применялось лишь «по челобитной» [11; 128]. В период действия УПК РСФСР 1922 г. личное поручительство состояло в отобрании у поручителей подписки с ручательством явки обвиняемого и доставлением его в случае необходимости к следователю или в суд [6; 84]. УПК Казахстана, если следовать буквальному толкованию ч. 2 ст. 142, верно определяет, что каждый поручитель подает отдельное ходатайство. Ввиду отсутствия в УПК Беларуси подобного указания следственная практика идет по пути принятия коллективных ходатайств от поручителей, что положительно оценивается и авторами комментария к УПК Беларуси [12; 319]. На наш взгляд, подход казахстанского законодателя является наиболее корректным, ведь даже исходя из названия и правовой природы личного поручительства, в основе которого лежит личное обязательство конкретного физического лица, обладающего определенными правами и обязанностями, ходатайство может быть только индивидуальным и исходить от каждого поручителя, где он формулирует свою личную, а не коллективную просьбу.

Личное поручительство начинает действовать с момента дачи поручителями подписки, в которой им разъясняется сущность подозрения (обвинения), обязательства поручителей и их ответственность в случае нарушения обвиняемым условий данной меры пресечения. На наш взгляд, правоприменитель должен учитывать определенные обстоятельства, которые не прописаны в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и Казахстана, но могут иметь место на практике. Так, в период действия личного поручительства может иметь место переквалификация преступления, что, соответственно, влечет изменение сущности подозрения, обвинения. Поэтому следователь в обязательном порядке должен разъяснять такое изменение поручителям, ведь это может повлечь их отказ от принятых на себя обязательств, особенно при переквалификации деяния на более тяжкое преступление. Для того чтобы поручители могли выполнять взятые на себя обязательства, следует ввести

в уголовно-процессуальный закон и практику следующее: во-первых, следователь должен одновременно с направлением повестки о явке обвиняемому для участия в следственных и процессуальных действиях направлять такую же повестку поручителям, чтобы они могли заблаговременно принять меры к обеспечению явки обвиняемого; во-вторых, следует ввести ограничительное значение понятия неявки обвиняемого, понимая под этим не один только факт его неявки, а умышленное совершение им действий по уклонению. В данном контексте важно понимать, что ответственность, предусмотренная в отношении поручителей в виде денежного взыскания (это характерно для уголовно-процессуального законодательства всех государств постсоветского пространства), должна наступать лишь в том случае, если орган, ведущий уголовный процесс, располагает убедительными данными о недобросовестном отношении поручителей к своим обязанностям. При этом ответственность поручителей должна определяться в каждом случае индивидуально, с учетом личности поручителя, тяжести наступивших последствий ввиду невыполнения им своих обязанностей.

Достоинством УПК Казахстана, в отличие от УПК Беларуси, является указание в ч. 4 ст. 142 права поручителя отказаться от поручительства в любой момент производства по уголовному делу и обязанности органа, ведущего уголовный процесс, в течение 48 часов с момента отказа рассмотреть вопрос об избрании обвиняемому иной меры пресечения. Считаем такой подход справедливым, ведь при возникновении объективных причин (например, изменение характера взаимоотношений между поручителем и обвиняемым; изменение личных обстоятельств поручителя – переезд его в другую местность, ухудшение состояния здоровья) поручители могут не иметь возможности обеспечить явку и надлежащее поведение обвиняемого, а значит, отпадает существенное условие применения личного поручительства — добровольное согласие лица быть поручителем.

Следует отметить, что УПК Беларуси и УПК Казахстана не определяют сферу действия личного поручительства и не дают ограничений по категориям преступлений, по которым оно может быть избрано либо запрещено. Следственный комитет Республики Беларусь исходит из того, что личное поручительство не должно применяться к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления; ранее привлекавшимся к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений и имеющим непогашенную и неснятую судимость; страдающим хроническим алкоголизмом и наркоманией; совершившим преступления путем обмана и злоупотребления доверием [13; 16]. Такой подход белорусских правоприменителей является взвешенным и оправданным, поскольку названная категория лиц вряд ли будет выполнять условия личного поручительства. Вместе с тем полагаем, что названные ограничения должны быть элементом законодательной конструкции уголовно-процессуальных норм, регламентирующих личное поручительство, а не рекомендациями следственных органов.

УПК Беларуси (ст. 122) и УПК Казахстана (ст. 143) предусматривают специальную меру пресечения в виде передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской части, устанавливая схожий механизм ее избрания. Единственным отличием является наличие в ст. 143 УПК Казахстана предписания о том, что в период действия данной меры пресечения не допускается привлечение обвиняемого к боевому дежурству, несению боевой или караульной службы, службы в составе гарнизонного наряда или суточного наряда части (подразделения). Учитывая, что такие положения по поведению обвиняемого содержатся в правовых актах, регламентирующих порядок прохождения воинской службы, и трактуются шире, чем указано в цитируемой норме, считаем их указание в УПК Казахстана излишним, поскольку это отражает процесс исполнения рассматриваемой меры пресечения. Вместе с тем недостатком ст. 122 УПК Беларуси и ст. 143 УПК Казахстана, по нашему мнению, является отсутствие в них обязательного получения согласия военнослужащего, в отношении которого предполагается применение данной меры пресечения. Такую норму содержит Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Получение согласия в данном случае преследует цель — установить характер взаимоотношений военнослужащего и начальствующего состава командования воинского подразделения, отсутствие неуставных отношений. Отметим, что для белорусской следственной практики нехарактерно избрание меры пресечения в виде передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской части, на что указывает статистика: в 2015 г. лишь 0,1 % обвиняемых подвергались этой мере пресечения.

УПК Беларуси и УПК Казахстана демонстрируют одинаковый подход в регламентации меры пресечения в виде отдачи несовершеннолетнего под присмотр. Изучение международных рекомендаций, законодательного опыта других государств и практики применения данной меры пресечения позволяют выделить определенные правовые дефекты в законодательстве Беларуси и Казахстана. Во-

первых, в ч. 1 ст. 123 УПК Беларуси и ч. 1 ст. 144 УПК Казахстана необоснованно включен в перечень лиц, которым несовершеннолетний может быть передан под присмотр, опекун. Ведь согласно гражданскому законодательству опекуны могут быть только у малолетних лиц (т.е. в возрасте до 14 лет), а к уголовной ответственности по общему правилу лицо может привлекаться лишь с 14-ти лет. Из этого следует, что необходимо исключить из названных правовых норм опекуна. Во-вторых, эта мера пресечения может применяться только при условии наличия хороших взаимоотношений между несовершеннолетним и лицами, которым он будет отдан под присмотр, а также возможности последних контролировать поведение подростка и надлежаще осуществлять за ним присмотр. Нужно иметь в виду и то, что не все родители имеют авторитет у своих детей, следовательно, они не смогут осуществлять надлежащий присмотр. Сказанное приводит к выводу, что уголовно-процессуальные нормы Беларуси и Казахстана, регламентирующие отдачу несовершеннолетнего под присмотр, должны предусматривать получение письменного согласия последнего на ее избрание.

Тенденцией уголовно-процессуальной политики Беларуси и Казахстана является создание условий для расширения применения залога, поэтому законодатели обоих государств придают особое значение правовой регламентации этой меры пресечения. Отмечая во многом тождественное регулирование залога по УПК Беларуси и УПК Казахстана, следует указать на правовые предписания, которые делают затруднительным избрание этой меры пресечения и, соответственно, не позволяют использовать потенциал залога как реальной альтернативы содержанию под стражей. Например, незначительное применение залога в Беларуси подтверждают данные статистики: в 2015 г. в целом по республике эта мера пресечения избиралась в отношении 165 лиц (0,3 % от всех обвиняемых, к которым применялись меры пресечения).

Определение предмета и размера залога является одним из наиболее сложных и спорных моментов при принятии решения о данной мере пресечения. Так, согласно первой редакции ст. 124 УПК Беларуси предметом залога могли быть только денежные средства в размере не менее 500 минимальных заработных плат (на момент действия данной нормы эта сумма была эквивалентна 4 тыс. долларов США). В 2007 г. нижний порог залоговой суммы в законе был установлен в 100 базовых величин, а в 2015 г. предмет залога был расширен за счет ценных бумаг, ценностей, иного движимого и недвижимого имущества. Аналогично предмет залога трактуется и в УПК Казахстана, с той лишь разницей, что в ст. 145 предусмотрено обязательное наложение ареста на ценности, движимое и недвижимое имущество, а главное — доказывание ценности залога и отсутствие обременений возложено на залогодателя. В то же время по УПК Беларуси оценка предмета залога и все действия, связанные с ней, возлагаются на должностное лицо, принимающее решение об избрании залога, что не способствует популярности этой меры пресечения у следователей. Кроме того, ч. 3 ст. 143 УПК Казахстана разграничивает размер вносимой залоговой суммы в зависимости от категории совершенного преступления, называет случаи установления залога ниже нижнего размера либо принятия иного имущества, эквивалентного этой сумме (например, к лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних детей; относящимся к социально уязвимым слоям населения). УПК Беларуси не содержит таких предписаний, а определение суммы залога в каждом конкретном случае отдано на усмотрение следователя. Сложившаяся ситуация неоднозначно оценивается среди ученых и практиков, поэтому некоторые предлагают устанавливать сумму залога, равную причиненному преступлением ущербу (сумме заявленному гражданскому иску). Другие правоведы считают справедливым установление в законе нижнего порога залоговой суммы в размере 30 базовых величин за совершение преступлений, не представляющих большую общественную опасность, и увеличение этой суммы соразмерно с каждой последующей категорией преступлений [14; 5]. Полагаем, что в законе не следует устанавливать минимальный и максимальный порог суммы залога, а определять ее дифференцированно в каждом конкретном случае, с учетом всех обстоятельств уголовного дела, личности и материального положения залогодателя. Иной подход к решению данного вопроса неизбежно приведет к нарушению одного из основополагающих принципов уголовного процесса — равенства граждан перед законом и судом. Поэтому можно предусмотреть в законе варианты его избрания: залог может быть реальным, предполагающим внесение денежной суммы в полном размере; залогом может выступать денежная сумма физического, юридического лица на банковском счету, которая может быть снята со счета и обращена в доход государства при нарушении этой меры пресечения; залог может уплачиваться частично, в виде внесения 10 % от суммы, назначенной в виде залога. Такая вариативность позволит индивидуализировать применение залога и расширить диапазон его использования в качестве альтернативной меры пресечения.

В качестве меры пресечения, альтернативной заключению под стражу, по замыслу законодателей Беларуси и Казахстана, рассматривается и домашний арест. При этом как УПК Беларуси, так и УПК Казахстана демонстрируют одинаковый подход в трактовке сущности этой меры пресечения и ограничений, которой подвергается обвиняемый в период нахождения под домашним арестом. Исследование нами вопросов, связанных с порядком избрания домашнего ареста [15], показывает некорректный подход в нормативной регламентации сопровождающих домашний арест мер. В качестве ближайших перспектив законодателя, на наш взгляд, должна стать оптимизация уголовно-процессуальных норм о домашнем аресте, которые могли бы включать в себя следующие положения.

Так, ч. 2 ст. 125 УПК Беларуси и ч. 2 ст. 146 УПК Казахстана предусматривают ограничения, объединяющие различные юридические категории, одни из которых представлены запретами, другие — обязанностями обвиняемого, третьи — мерами контролирующего характера. Это не способствует единому правопониманию и правоприменению, поэтому считаем, что в УПК Беларуси термин «правоограничения», а в УПК Казахстана — «ограничения» следует заменить словосочетанием «меры, обеспечивающие надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого и осуществление за ним надзора». При этом такие меры следует дифференцировать на две группы.

Первая группа — меры, обеспечивающие надлежащее поведение обвиняемого, находящегося под домашним арестом, на наш взгляд, должны включать предусмотренные законом запреты на совершение каких-либо действий этим лицом.

Вторую группу должны составлять меры, позволяющие осуществлять надзор за обвиняемым, находящимся под домашним арестом. Такими мерами могут выступать перечисленные в пп. 4–6 ч. 2 ст. 125 УПК Беларуси и в пп. 4–6 ч. 2 ст. 146 УПК Казахстана способы надзора за исполнением домашнего ареста. Речь идет, в частности, о возложении на обвиняемого обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки, звонить по телефону или лично являться в определенное время в контролирующий орган. Норма, закрепляющая установление наблюдения за обвиняемым и его жилищем, охрану его жилища, также имеет контролирующий характер. Ведь установление наблюдения за обвиняемым или его жилищем, а равно и охрана его жилища в первую очередь преследуют цель — обеспечить соблюдение этим лицом наложенных на него запретов и предотвратить попытки его сношения с окружающим миром в случае полной изоляции от общества. Сотрудники, выполняющие охранные функции, тем самым осуществляют надзор за поведением обвиняемого и соблюдением им режима отбывания домашнего ареста. Следовательно, указанная мера возлагает обязанности не на обвиняемого, а на соответствующие государственные органы, которые должны осуществлять наблюдение за этим лицом и охрану его жилища — способы надзора за отбыванием домашнего ареста. Электронные средства контроля, применение которых возможно к обвиняемым, находящимся под домашним арестом, даже исходя из их названия, предназначены для надзора за местонахождением и передвижением обвиняемого и не относятся к запретам, сопровождающим данную меру пресечения. В рассматриваемом нами контексте обращает на себя внимание некорректное название ст. 137 «Меры пресечения и дополнительные ограничения» УПК Казахстана, под которыми понимается применение электронных средств слежения наряду с мерами пресечения (кроме передачи военнослужащего под наблюдение командования воинской и содержания под стражей). Кроме того, ч. 3 ст. 140 УПК Казахстана перечисляет обязанности, которые могут налагаться на лицо, не содержащееся под стражей, в том числе обязанность носить электронные средства слежения. На наш взгляд, такое дублирование нецелесообразно, поэтому норма о применении электронных средств слежения должна быть общей и размещаться в ч. 3 цитируемой правовой нормы.

Порядок избрания домашнего ареста такой же, как и при заключении обвиняемого под стражу. Вместе с тем, определяя домашний арест в качестве меры пресечения, УПК Беларуси и УПК Казахстана акцентируют внимание на ее самостоятельности и отличности от содержания под стражей, поэтому процедура избрания домашнего ареста должна иметь собственную регламентацию. В связи с этим учеными-процессуалистами выдвигаются различные предложения о сфере действия домашнего ареста. Например, К.Т. Балтабаев предлагает применять его к обвиняемым в любых преступлениях, исключая деяния, содержащие особо опасный рецидив [16; 24], А. Е. Белоусов — при совершении любого умышленного преступления [17; 11], а Д. В. Семенец допускает возможным применение домашнего ареста лишь при совершении преступлений, исключая наказание в виде лишения свободы [18; 38]. На наш взгляд, в законе нужно установить запрет на его применение в случае совершения обвиняемым преступлений насильственного характера, совершенных в отношении совместно

проживающих с ним членов его семьи, близких родственников либо иных лиц, которых он обоснованно считает близкими.

Кроме того, требует нормативного закрепления получение согласия перечисленных совершеннолетних лиц на избрание домашнего ареста, что поможет выполнять установленный для обвиняемого запрет общения с определенными лицами, в том числе принимать кого-либо по месту жительства; при установлении для обвиняемого запрета выхода из жилища круглосуточно совместно проживающие с ним лица могут оказать ему помощь в решении ряда вопросов его жизнеобеспечения (приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата коммунальных услуг и т.д.). Такое согласие названной категории лиц обязательно в случае совершения преступления в семейно-бытовой сфере или другого противоправного деяния, в основе которого лежат неприязненные взаимоотношения либо конфликт между обвиняемым и совместно проживающими с ним лицами. Поэтому получение согласия, с одной стороны, обусловлено необходимостью соблюдения обвиняемым условий отбывания домашнего ареста, а с другой — свидетельствует о характере взаимоотношений обвиняемого с совместно проживающими лицами. Думается, что приемлемой формой получения согласия является подписка, в которой указанные лица ставятся в известность о характере преступления, сущности домашнего ареста и сопровождающих его мерах, а также их ответственности в случае нарушения принятых обязательств — наложении на них денежного взыскания.

Отметим, что в УПК Беларуси и УПК Казахстана не решен вопрос об отмене или изменении перечня сопровождающих домашний арест мер, установленных при принятии решения об этой мере пресечения. Ведь при производстве по уголовному делу могут возникнуть обстоятельства, вызывающие необходимость изменения (отмены) не самого домашнего ареста как меры пресечения, а каких-либо сопровождающих его мер. Иными словами, сопровождающие домашний арест меры могут изменяться в зависимости от различных обстоятельств, а домашний арест — оставаться неизменным. Представляется, что решение этого вопроса должно производиться органом, ведущим уголовный процесс, по ходатайству обвиняемого с изложением обстоятельств, влекущих изменение сопровождающих мер, и осуществляться путем вынесения соответствующего мотивированного постановления, что целесообразно отразить в уголовно-процессуальном законе. Представляется, что закрепление в уголовно-процессуальном законе рассмотренных положений будет способствовать принятию законного решения о применении домашнего ареста и позволит шире использовать эту меру пресечения органом, ведущим уголовный процесс.

Заключение под стражу, несмотря на разнообразие в уголовно-процессуальных кодексах Беларуси и Казахстана иных мер пресечения, не связанных с изоляцией обвиняемого от общества, по-прежнему остается одной из распространенных в практике правоохранительных органов (например, в 2015 г. в целом по Беларуси эта мера пресечения избиралась в отношении 27,9 % обвиняемых). Следуя тенденциям уголовно-процессуальной политики в активизации альтернативных заключению под стражу мер пресечения, белорусский и казахстанский законодатели делают попытки в этом направлении, в том числе и за счет корректировки правовых норм, регламентирующих заключение под стражу. Сравнительный анализ законодательства Беларуси и Казахстана позволяет выделить общие правила и национальные особенности избрания заключения под стражу.

Так, заключение под стражу по общему правилу по УПК Беларуси допускается при соблюдении обязательного условия: совершение лицом преступления, за которое уголовным законом предусмотрено лишение свободы на срок свыше двух лет, а по УПК Казахстана — на срок свыше пяти лет. Следует отметить, что традиционно, с момента принятия первых актов, регулирующих уголовный процесс, применение названной меры пресечения в законе связывалось с совершением лицом определенной категории преступлений и (или) санкцией уголовного закона, устанавливающей конкретный вид и срок наказания за совершенное преступление. Такой подход сохранился в уголовно-процессуальных кодексах большинства государств постсоветского пространства.

Между тем в науке уголовного процесса данное законодательное правило оценивается неоднозначно. Одни авторы полагают, что санкция уголовного закона в два года лишения свободы как критерий для применения заключения под стражу вызывает сомнение и является условным [19; 54]. Другие ученые предлагают избирать данную меру пресечения за совершение преступлений, предусматривающих наказание свыше шести лет лишения свободы [20; 45]. Отдельные правоведы отмечают, что критерием избрания любой меры пресечения должна выступать категория преступления, а для заключения под стражу — совершение лицом тяжкого и особо тяжкого преступления и в исключительных случаях — совершение преступления средней тяжести [21; 12, 13].

Но белорусский и казахстанский законодатели выбрали иной путь совершенствования норм о заключении под стражу.

В частности, следует обратить внимание на установление в УПК Беларуси (ст. 126) в 2015 г. запрета на применение этой меры пресечения за менее тяжкие преступления против порядка осуществления экономической деятельности (кроме контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации средств, полученных преступным путем). Исключением из данного запрета стали случаи, когда обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Беларуси или не установлена его личность. Не разделяем данную законодательную трактовку в связи с ее дискриминационным характером. Представляется, что это правовое предписание не только решает проблему оптимизации применения заключения под стражу, но и создает уголовно-процессуальный иммунитет от ее избрания к лицам, совершившим названные экономические преступления. Более того, законодательное закрепление подобного запрета в специальных нормах, регламентирующих заключение под стражу, противоречит общей концепции об основаниях применения мер пресечения. Иными словами, может сложиться ситуация, когда в ходе расследования дел о таких преступлениях следователь, располагая доказательствами того, что лицо совершает действия, направленные на воспрепятствование расследованию или рассмотрению дела судом, не вправе применить к нему заключение под стражу в силу прямого правового запрета.

В 2015 г. претерпела изменение ч. 1 ст. 126 УПК Беларуси в части конкретизации применения заключения под стражу по мотивам тяжести только за преступления против мира и безопасности человечества, государства, военные преступления, преступления, сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, относящиеся к категории тяжких или особо тяжких. Безусловно, это позволит сократить применение данной меры пресечения по мотивам тяжести, учитывая, что в практике следственных органов такой мотив в ряде случаев является основополагающим и составляет 81,6 % от общего числа лиц, совершивших особо тяжкие преступления.

Схожий подход демонстрирует и УПК Казахстана, но в отличие от белорусского УПК ч. 2 ст. 136 УПК Казахстана устанавливает, что содержание под стражей может применяться лишь по мотивам тяжести за совершение преступлений по выборочным составам уголовного закона. К ним относятся такие общественно опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Казахстана, как убийство, совершенное в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков (п. 15 ч. 2 ст. 99); наемничество, повлекшее гибель людей или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 170); уголовные правонарушения против основ конституционного строя (ст. 175, 177, 178 184); уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 255, ч. 5 ст. 263, ч. 4 ст. 286); уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности (ч. 4 ст. 297, ч. 4 ст. 298, ч. 4 ст. 299). Содержание под стражей в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной лишь тяжести совершенного преступления.

Отмечая прогрессивность установления в законе такого подхода, следует отметить, что данная позиция законодателя не соответствует международно-правовым стандартам, которые законность применения заключения под стражу связывают только с наличием достаточных данных, дающих основания полагать, что необходимо предотвратить совершение лицом правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [22; 110, 23; 84]. Европейский суд по правам человека справедливо считает, что эти основания подлежат узкому толкованию, а любое заключение под стражу не является законным, если оно не обусловлено одним из них (например, дело «Хачатрян и другие против Армении» [24]). В другом своем решении по делу «Кляхин против России» [25] Европейский суд указывает на то, что тяжесть обвинения сама по себе не может служить оправданием заключения под стражу. В связи с этим полагаем, что тяжесть преступления не может быть критерием избрания заключения под стражу, соответственно, не может быть элементом законодательной конструкции специальных норм о данной мере пресечения, но должна учитываться наряду с другими обстоятельствами, влияющими на необходимость применения меры пресечения, и может влиять на ее выбор.

Изложенное выше позволяет констатировать наличие единообразного законодательного подхода в трактовке норм о мерах пресечения в Республике Беларусь и Республике Казахстан, соответствие отдельных их положений международным стандартам по процедуре применения таких мер с учетом национальных особенностей, а также стремление законодателя ограничить случаи применения заключения под стражу и активизировать практику избрания иных мер пресечения — залога и домашнего ареста. Представляется, что изложенные нами недостатки нормативного регулирования мер пресечения и сформулированные предложения по их устранению могут быть восприняты зако-

нодателем при разработке оптимальных правовых механизмов, предусматривающих эффективное применение уголовно-процессуального законодательства о мерах пресечения.

Список литературы

- 1 Утанов М. С учетом современных требований [Электронный ресурс] / М. Утанов. 20.10.2016 г. / Интернет-ресурс медиа-корпорации «ЗАЊ». — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/>.
- 2 Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Республики Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. № 621 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2016.
- 3 О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: Директива Президента Республики Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2011. — № 1/12259.
- 4 О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 29.11.2013 г. № 529 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2016.
- 5 О Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 года: Указ Президенте Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. — Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz>. — Дата доступа: 14.03.2017.
- 6 Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. — М.: Право и закон, 1996. — 299 с.
- 7 Люблинский П.И. Меры пресечения (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: практ. комментарий) / П.И. Люблинский. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Право и жизнь, 1926. — 71 с.
- 8 Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. — 175 с.
- 9 Еникеев З.Д. Избранные труды / З.Д. Еникеев. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 464 с.
- 10 Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана: постатейный / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. — Ашхабад, 2012. — 656 с.
- 11 Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. — М.: Наука, 1989. — 256 с.
- 12 Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака. — Минск: Акад. МВД, 2014. — 1230 с.
- 13 Методические рекомендации по порядку применения мер пресечения в виде личного поручительства, отдачи несовершеннолетнего под присмотр, залога, домашнего ареста, 5 нояб. 2012 г., № 2/4727 / Отд. метод. обеспечения предварительного расследования Следственного комитета Республики Беларусь. — Минск, 2012. — 37 с.
- 14 Щерба Т.Л. Залог как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Татьяна Леонидовна Щерба. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. — 25 с.
- 15 Савчук Т.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук / Татьяна Анатольевна Савчук. — Минск, 2014. — 234 с.
- 16 Балтабаев К.Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кайрат Тулеутаевич Балтабаев. — Караганда, 2001. — 28 с.
- 17 Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Александр Евгеньевич Белоусов. — Ижевск, 1995. — 18 с.
- 18 Семенец Д.В. Необходимость законодательного определения способов ограничения прав и свобод подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 апр. 2012 г. — Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2012. — С. 37–38.
- 19 Галимов Э.Р. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса / Э.Р. Галимов, Р.М. Муртазин, З.Х. Шагиева. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 168 с.
- 20 Зайцева Л.Л. Альтернативы лишению свободы в досудебном производстве / Л.Л. Зайцева // Ситуация в местах лишения свободы в Республике Беларусь. Оценка достижений и проблем, перспективы реформирования. — М.: PRI, 2008. — С. 34–61.
- 21 Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу / О.И. Цоколова // Российский следователь. — 2005. — № 5. — С. 8–13.
- 22 Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / Сост. Е.В. Кузнецова. — Минск: Амалфея, 2009. — Т. 1. — С. 108–112.
- 23 Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / Сост. Е.В. Кузнецова. — Минск: Амалфея, 2009. — Т. 1. — С. 82–94.
- 24 Дело «Хачатрян и другие против Армении» № 23978/06: постановление Европейского суда по правам человека от 27 нояб. 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://european-court.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/>.
- 25 Дело «Кляхин против России» № 46082/99: постановление Европейского суда по правам человека от 30 ноября 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://european-court.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/>.

Т.А. Савчук

Беларусь Республикасы мен Қазақстан Республикасындағы қазіргі қылмыстық іс жүргізу саясаты тұрғысындағы бұлтартпау шарасы институтының заңнамалық үлгісі

Мақалада күзетпен қамауға алуға балама болатын бұлтартпау шаралары туралы заңнаманы жетілдірумен және бұлтартпау шараларын қолдану тәжірибесін жандандырумен байланысты Беларусь Республикасы мен Қазақстан Республикасының қылмыстық іс жүргізу саясатының негізгі бағыттары мен қазіргі жай-күйіне қатысты авторлық көзқарас берілген. Аталған мемлекеттердің қылмыстық іс жүргізу заңнамаларын зерттеу мен талдау жүргізу, бұлтартпау шаралары институтының пайда болуы мен дамуының тарихи алғышарттарын зерттеу, ғалым-процессуалисттердің пайымдауларының негізінде, бұлтартпау шараларын таңдау туралы шешім қабылдау тетігі, оның түрлері, мәнісі талданды. Беларусьта оларды қолдану тәжірибесі келтірілді, бұлтартпау шараларын қолдануды реттейтін заңнамалардағы ақаулықтар айқындалды. Жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде тергеу және сот органдарының тәжірибесінде пайдалануды жандандыруға бағытталған, бұлтартпау шараларын реттеу бойынша заңнамадағы ақаулықтарды жоюға ұсыныстар жасалды.

Кілт сөздер: ұйқамақ, кепіл, күзетпен қамауға алу, жеке кепілгерлік, ешқайда кетпеу және тиісті мінез-құлқы туралы қолхат, бұлтартпау шаралары, қылмыстық іс жүргізу саясаты.

T.A. Savchuk

Legislative model of the institution of preventive measures in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the context of modern criminal procedural policy

The author's view of the current state and the directions of development of criminal procedure policy of Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan connected with improvement of the legislation on measures of restraint and activation of practice of application of the measures of restraint alternative to detention is presented in article. On the basis of studying and the analysis of the criminal procedure legislation of the called states, historical prerequisites of emergence and development of measures of restraint, views of scientists-protsessualistov types, essence and the mechanism of making decision on election of measures of restraint are analyzed, practice of their application is given in Belarus, defects of the legislation regulating application of measures of restraint come to light. As a result of the conducted research offers on completion of legislative gaps in regulation of measures of restraint are formulated that it is directed to activation of their use in practice of investigative and judicial authorities.

Keywords: house arrest, pledge, detention, personal guarantee, recognizance not to leave and appropriate behavior, measures of restraint, criminal procedure policy.

References

- 1 Utanov, M. (2016). S uchetom sovremennykh trebovaniy. Media-korporatsii «ZAN». [Taking into account modern requirements 10/20/2016/ Source, «ZAN» media corporations]. Retrieved from <http://www.zakon.kz/> [in Russian].
- 2 Ob utverzhdenii Kontseptsii sovershenstvovaniia sistemy mer uholovnoi otvetstvennosti i poriadka ikh ispolneniia: Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus, 23 dek. 2010 h., № 672 [About the approval of the improvemental Concept of measuring systems of criminal liability and an order of their execution: Decree of the President of Republic Belarus, 23 Dec. 2010, N 672]. Etalon – Belarus / Nats. tsentr pravovoi inform. Respubliki Belarus – the Standard – Belarus [An electronic resource] / National. center legal inform. Republic Belarus. Minsk, 2016 [in Russian].
- 3 O razvitii predprinimatelskoi initsiativy i stimulirovaniy delovoi aktivnosti v Respublike Belarus: Direktiva Prezidenta Respubliki Belarus, 31 dek. 2010 h., № 4 [About development of an enterprise initiative and stimulation of business activity in Republic of Belarus: Directive of the President of Republic Belarus, 31 Dec. 2010, No. 4]. (2011). *Nats. reestr pravovykh aktov Resp. Belarus – National. register of legal acts of Republic Belarus, 1/12259* [in Russian].
- 4 O merakh po sovershenstvovaniiu deiatelnosti sudov obshchei iurisdiktsii Respubliki Belarus: Ukaz Prezidenta Resp. Belarus, 10 okt. 2011 h., № 454 [About measures for improvement of judicial activity of the general jurisdiction of Republic of Belarus: Decree of the President of Republic Belarus, 10 Oct. 2011, No. 454]. (2016). Etalon – Belarus / Nats. tsentr pravovoi inform. Respubliki Belarus – The Standard – Belarus / National. center legal inform. Republic Belarus. Minsk [in Russian].
- 5 O Kontseptsii pravovoi politiki na period s 2010 do 2020 hoda: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 24 avhusta 2009 hoda № 858 [About the Concept of legal policy for the period from 2010 to 2020: The decree the President of the Republic of Kazakhstan of August 24, 2009 No. 858]. Retrieved from <http://prokuror.gov.kz>. (Date of access: 3/14/2017) [in Russian].

- 6 Mikhaylov, V.A. (1996). *Mery presecheniia v rossiiskom uholovnom protsesse [Measures of restraint in the Russian criminal trial]*. Moscow: Pravo i zakon [in Russian].
- 7 Lublinsky, P.I. (1926). *Mery presecheniia (Uholovno-protsessualnyi kodeks RSFSR: prakt. kommentarii) [Measures of restraint (Code of Criminal Procedure of RSFSR: pract. comment)]*. Moscow: Pravo i zakon [in Russian].
- 8 Kovriga, Z.Ph. (1997). *Uholovno-protsessualnoe prinuzhdenie [Criminal procedure coercion]*. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta [in Russian].
- 9 Yenikeev, Z.D. (2012). *Izbrannye trudy [Chosen works]*. Moscow: Yurlitinform [in Russian].
- 10 Smirnov, A.V., Kalinovskiy, K.B. (2012). *Kommentarii k uholovno-protsessualnomu kodeksu Turkmenistana: postateinyi [The comment to the Code of Criminal Procedure of Turkmenistan: itemized]*. A.V. Smirnov (Ed.). Ashgabat [in Russian].
- 11 Petrukhin, I L. (1989). *Neprikosnovennost lichnosti i prinuzhdenie v uholovnom protsesse [Integrity of human beings and coercion in criminal trial]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 12 Andreychik, N.I. et al. (2014). *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Uholovno-protsessualnomu kodeksu Respubliki Belarus [The scientific and practical comment to the Code of Criminal Procedure of Republic of Belarus]*. M.A. Shostak (Ed.). Minsk: Academia MVD [in Russian].
- 13 Metodicheskie rekomendatsii po poriadku primeneniia mer presecheniia v vide lichnogo poruchitelstva, otdachi nesovershennoletneho pod prismostr, zaloha, domashneho aresta, 5 noiab. 2012 h., № 2/4727 [Methodical recommendations about an order of application of measures of restraint in the form of the personal guarantee, return of the minor under supervision, pledge, house arrest, 5 november 2012, No. 2/4727]. (2012). *Otd. metod. obespecheniia predvari-telnogo rassledovaniia Sledstvennogo komiteta Resp. Belarus – Cer. method. ensuring preliminary investigation of Investigative committee of Republic Belarus*. Minsk [in Russian].
- 14 Shcherba, T.L. (2013). *Zaloh kak mera presecheniia v uholovnom protsesse [Pledge as a measure of restraint in criminal trial]. Extended abstract of candidate's thesis*. Minsk: Akadimiya MVD Respubliki Belarus [in Russian].
- 15 Savchuk, T.A. (2014). *Domashnii arest kak mera presecheniia v uholovnom protsesse Respubliki Belarus [House arrest as a measure of restraint in criminal trial of Republic of Belarus]. Candidate's thesis*. Minsk [in Russian].
- 16 Baltabayev, K.T. (2001). *Domashnii arest v uholovnom sudoproizvodstve Respubliki Kazakhstan [House arrest in criminal legal proceedings of the Republic of Kazakhstan]. Extended abstract of candidate's thesis*. Karaganda [in Russian].
- 17 Belousov, A.E. (1995). *Voprosy teorii i praktiki primeneniia mer uholovno-protsessualnogo presecheniia po zakonodatelstvu Rossiiskoi Federatsii [Questions of the theory and practice of application of measures of criminal procedure suppression by the legislation of the Russian Federation]. Extended abstract of candidate's thesis*. Ijevsk [in Russian].
- 18 Semenets, D.V. (2012). *Neobkhodimost zakonodatelnogo opredeleniia sposobov ohranicheniia prav i svobod podozryvaemykh (obviniaemykh) v sovershenii prestuplenii, v otnoshenii kotorykh primenena mera presecheniia v vide domashneho aresta [Need of legislative definition of ways of restriction of the rights and freedoms suspected (accused) in commission crimes to which the measure of restraint in the form of house arrest]. Problem of fight against crime and training is applied to law enforcement agencies: mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – International Scientific and Practical Conference*. Minsk, 5 Apr. 2012. Minsk: Academician of the Ministry of Internal Affairs of Republic Belarus [in Russian].
- 19 Galimov, E.R., Murtazin, R.M., Shagiyeva, Z.H. (2013). *Primenenie mer presecheniia v sudebnykh stadiakh uholovnoho protsessu [Application of measures of restraint in judicial stages of criminal trial]*. Moscow: Yurlitinform [in Russian].
- 20 Zaytseva, L.L. (2008). *Alternativy lisheniia svobody v dosudebnom proizvodstve [Alternatives to imprisonment in pre-judicial production]. Situatsiia v mestakh lisheniia svobody v Respublike Belarus. Otsenka dostizhenii i problem, perspektivy reformirovaniia – the Situation in places of detention in Republic of Belarus. Assessment of achievements and problems, prospects of reforming*. Moscow: PRI [in Russian].
- 21 Tsokolova, O.I. (2005). *Problemy sovershenstvovaniia osnovanii primeneniia mery presecheniia v vide zakliucheniia pod strazhu [Problems of improvement of the bases of application of a measure of restraint in the form of detention]. Rossiiskii sledovatel – Russian investigator, 5, 8–13 [in Russian]*.
- 22 Kuznetsova, E.V. (2009). *Konventsiia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Convention on protection of human rights and fundamental freedoms]. Prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovye dokumenty i praktika ikh primeneniia – Human rights: international legal documents and practice of their application. (Vol. 1-4; Vol. 1)*. Minsk: Amalfey [in Russian].
- 23 Kuznetsova, E.V. (2009). *Mezhdunarodnyi pakt o hrazhdanskikh i politicheskikh pravakh: priyat rezoliutsiei 2200 A (XXI) Generalnyi Assamblei OON 16 dek. 1966 h. [International Covenant on Civil and Political Rights: Gener is accepted by the resolution 2200 A (XXI) Assemblies of the UN 16 Dec. 1966]. Prava cheloveka: mezhdunarodno-pravovye dokumenty i praktika ikh primeneniia – Human rights: international legal documents and practice of their application. (Vol. 1-4; Vol. 1)*. Minsk: Amalfey [in Russian].
- 24 Delo «Khachatryan i druhie protiv Armenii» № 23978/06: postanovlenie Evropeiskogo suda po pravam cheloveka ot 27 noiab. 2012 h. [Business «Khachatryan and others against Armenia» No. 23978/06: the resolution of the European Court of Human Rights from 27 nov. 2012]. *europencourt.ru* Retrieved from <http://europencourt.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/> [in Russian].
- 25 Delo «Kliakhin protiv Rossii» № 46082/99: postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 30 noiab. 2004 h. [Business «Klyakhin against Russia» No. 46082/99: the resolution of the European Court of Human Rights from 30 nov. 2004]. *europencourt.ru* Retrieved from <http://europencourt.ru/tag/obosnovannost-zaklyucheniya-pod-strazhu/> [in Russian].